

НЕТ ЗАПРЕТНЫХ ТЕМ НОВЫЕ ТАЙНЫ

КРАСАВИЦА- ЧУДОВИЩЕ

A woman with dark, wavy hair, wearing a long green velvet coat over a black dress, walks along a dark, winding path at night. She is looking back over her shoulder. The path is illuminated by a light source, creating a long shadow. The background is a dark, dense forest with a full moon visible in the sky.

ОЛЬГА
ВОЛОДАРСКАЯ

Нет запретных тем! Остросюжетная проза О. Володарской

Ольга Володарская
Красавица-чудовище

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Володарская О. Г.

Красавица-чудовище / О. Г. Володарская — «Эксмо»,
2015 — (Нет запретных тем! Остросюжетная проза О.
Володарской)

ISBN 978-5-04-252274-1

Она была одновременно и красавицей, и чудовищем! Виолой и Верой. Вера родилась с ужасными физическими недостатками, но смогла избавиться от них, пойдя на рискованную пластическую операцию. Просто хотела стать как все, но превратилась в красавицу. И взяла себе новое имя, чтобы ничего не напоминало о прошлом... Ее подруга Олеся была другой. Многочисленные операции она делала, желая подогнать свое лицо и тело под современные стандарты красоты. И она добилась своего – стала эталоном. Только насладиться этим не успела: ее зарезали, а прекрасное лицо обезобразили... Когда началось следствие, выяснилось – Олеся не первая пациентка клиники красоты, которую убили подобным образом. И не последняя, если верить предчувствиям следователя...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-252274-1

© Володарская О. Г., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Пролог	6
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Ольга Володарская

Красавица-чудовище

© Володарская О., 2026

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Пролог

Красотуля стояла перед большим зеркалом и с удовольствием рассматривала свое отражение.

Хороша... Право слово, хороша!

Нет, не так...

Идеальна! Она сделала шаг назад, чтобы отражаться в зеркале целиком, а то ног не видно. А ноги хоть куда. Особенно выигрышно смотрятся в классических лодочках на высоком каблуке и юбке фасона «колокол», что на ней сейчас. Красотуля была девушкой модной. Следила за всеми тенденциями. Но никогда не надевала на себя то, что ее уродовало. Например, громоздких босоножек на толстом каблуке или тракторной подошве, что носили сейчас ее подружки из мира гламура. В такой обуви ноги казались слишком тонкими. А еще она вызывала у Красотули ассоциации с кандалами, а ей хотелось парить, летать!

Изящные туфельки. Юбка-колокол с набивным рисунком по подолу и высоким кожаными поясом. К такой подходит очень простой верх. И Красотуля надела сегодня обычную белую рубашку. Закатала рукава. Расстегнула три верхние пуговицы, чтоб не выглядеть как ученица и, главное, продемонстрировать декольте. На шею – толстую цепочку с подвеской в форме пиона из серебра и глазури. На запястье массивные часы и несколько тонких браслетов.

Прическа простая. Пучок на макушке. И небрежная челка, закрывающая густую, по последней моде, бровь.

Красотуля открыла сумочку, достала из нее блеск «Шанель», матовый, цвета «суприм», ее любимый. Нанесла на губы, освежила, так сказать. Без помады или блеска ни одна современная девушка на люди не покажется. Привлечь внимание к губам, это так важно! Тем более если они такие пухлые, как у Красотули.

– Чмоки, чмоки! – хихикнула она и послала своему отражению два поцелуйчика.

Нет, совершенно точно... Не просто хороша – идеальна!

В туалете Красотуля была одна. Помещение маленькое, на две кабинки, но очень красивое. Плитка под венецианскую, раковина а-ля фонтан, с двух сторон от нее светильники, стилизованные под римские газовые фонари. Просто крохотный кусочек Италии...

Как здесь не сфотографироваться!

Красотуля достала телефон, включила камеру. Поза номер один – шелк. Два – шелк. Три – шелк. Беспроигрышных, отработанных тысячи раз поз у нее было три. Но на всякий случай Красотуля сделала еще несколько кадров. Просмотрев все, удовлетворенно кивнула. Везде сногшибательна. Сразу даже и не выбрать, какой снимок выкладывать в Сеть. Придется коллаж делать...

Не отрывая взгляда от телефона, Красотуля покинула ресторан. Он уже закрывался, и администратора, что встречал и провожал гостей, не было в фойе. Красотуля толкнула дверь и вышла на улицу.

Прохладно! Поежившись, девушка пошла к ярко освещенному проспекту (ресторан находился в тихом переулке). Спать не хотелось, поэтому Красотуля намеревалась заскочить еще в одно место. Телефон по-прежнему оставался в руке, она открыла телефонную книжку, чтобы найти номер одной из подруг. Красотуле хотелось компании!

И только она собралась коснуться нужного номера, чтобы осуществить дозвон, как услышала жалобное мяуканье. Где-то плакал котик. Зверек либо попал в беду, либо просто умирал от голода. Красотуля не могла пройти мимо. Поэтому остановилась и позвала:

– Кис-кис-кис!

Но котенок не выходил на дорогу. У него могли быть перебиты лапки. Красотуля не так давно нашла с такой травмой собаку, которую сшибла машина. Она подобрала песика, вылечила и пристроила в добрые руки. Теперь ее помощь требуется котенку.

Красотуля шагнула в кусты, раздвинула ветки...

И увидела человека. Он стоял, чуть согнувшись, готовый к броску, и издавал те звуки, которые слышала девушка. Он заманил в заросли кошачьим плачем ее? Зачем?

Красотуля не успела перебрать все варианты. Только два – чтобы ограбить или изнасиловать. Последний – убить – остался не перечислен...

Девушка почувствовала острую боль в области сердца. Она рухнула на влажную траву. И, получив еще несколько ударов, умерла.

Часть первая

Глава 1

Она с детства привыкла к косым взглядам. И с некоторых пор перестала обращать на них внимание... Подумаешь, кто-то таращится на нее. Ерунда! Шепот за спиной тоже стал чем-то обыденным и не задевал. Ей было шесть, когда она поняла – все это мелочи... Взгляды, шепот...

Мелочи по сравнению с физическим насилием!

Впервые ее ударили именно тогда. Бабушка, которая обычно не отходила от внучки ни на шаг, недоглядела, заболталась с соседкой, и Верочка убежала на детскую площадку, чтобы поиграть с другими ребятами. Ей всегда этого хотелось, но взрослые не разрешали, уводили прочь, стоило Вере приблизиться к компании дворовой детворы. Родители и бабушка, опекавшая ее, позволяли играть только с сестрой и двоюродным братом.

И вот наконец Вера смогла улизнуть. Она была так этому рада, что смеялась от восторга. Хохоча, она подбежала к трем девочкам и одному мальчику, что играли в песочнице в магазин, и попросила принять ее в игру.

Дети уставились на нее с удивлением.

– Кто это? – шепотом спросила одна из девочек, самая маленькая, лет четырех, у мальчишки. Он, судя по внешнему сходству, был ее братом.

Мальчишка пожал плечами. Эти двое были не из их дома и Веру не знали.

– Так я поиграю с вами? – переспросила Вера и перешагнула через бортик песочницы.

– Стас, я ее боюсь! – завопила девочка и спряталась за спину брата.

– Да не бойсь, Светка, – бросила ей самая старшая из компании. – Это Верка Лебедева.

Она соседка моя. Через подъезд живет.

Вера энергично закивала головой. Она узнала свою заступницу.

– Я думала, такие чудища только в лесу живут, – прошептала Света.

– Говорят, ее там и нашли, – вступила в разговор третья девочка. – Но пожалели и домой притащили. Научили говорить и есть ложкой...

Эти слова не задели Веру. Она не раз слышала такое от других. И, несмотря на то что бабушка ей всегда твердила – держись подальше от тех людей, кто говорит о тебе всякие гадости, Верочка не только осталась в песочнице, но и сделала шаг вперед, чтобы приблизиться к ребятам. Ей очень хотелось поиграть!

– Стас! – закричала Света в ужасе. – Не подпускай ее ко мне!

Мальчишка вскочил на ноги и преградил Вере путь.

– Уйди, – прорычал он.

– Я ничего плохого не хотела, – пролепетала Вера.

– Такие, как она, сглазить могут, – снова встряла соседка.

Света захныкала.

Услышав плач сестры, Стас толкнул Веру в грудь. Она была девочкой крупной, поэтому устояла. Тогда мальчишка ударил ее кулаком в плечо. Ее отбросило назад. Ударившись ногами о бортик песочницы, Вера кувыркнулась и упала. От боли у нее потемнело в глазах. Но заплакала Вера от обиды.

За что они так?

С трудом поднявшись на ноги, Вера бросилась прочь от песочницы. Падая, она ударилась и разбила в кровь локоть.

Сквозь слезы она увидела бабушку, бегущую ей навстречу. С ревом она кинулась в ее объятия.

– Что случилось, Верочка? – перепуганно спросила старушка.

Но девочка не могла говорить. Она жалась к бабушке, пачкая ее и себя кровью, и плакала, плакала...

Успокоилась она только дома. И после того как ее умыли, переодели, смазали локоть зеленкой и напоили любимым кефиром с сахаром, Вера рассказала бабушке, что произошло.

– Теперь ты понимаешь, почему мы против твоих игр с соседскими ребятами? – В глазах старушки стояли слезы. Но она сдерживалась, чтоб внучка опять не разнервничалась. – Мы боялись, что они обидят тебя.

– Но почему? Почему они меня обижают?

– Ты не такая, как все. А некоторые люди, особенно если они маленькие, еще несмышленные, таких... – Она хотела сказать «боятся», но выразилась иначе: – Сторонятся.

– Потому что я чудище? И вы меня нашли в лесу?

– Верочка, солнышко, я же тебе уже не раз говорила, что ты дочка своих мамы и папы. Ты моя внучка...

– Тогда почему я не такая, как вы? – резко перебила ее девочка. – Я не похожа ни на папу, ни на маму, ни на тебя...

– Так бывает. Например, твой двоюродный брат. Его родители беленькие, голубоглазые, а он рыжий, и радужка у него черная...

– Бабушка, он не похож на чудище! – закричала Вера. – Он человек! А я?

– Ты тоже человек, детка. Просто не такой, как все...

Бабушка протянула руку, чтобы приласкать внучку, но та отстранилась и вскочила на ноги. Вера бросилась к зеркалу и стала бить себя по лицу.

– Нет, нет, нет! – задыхалась она. – Я чудище, чудище!..

Вдруг она схватила с туалетного столика ножницы и воткнула себе в лоб. Кровь брызнула таким мощным фонтаном, что залила треть зеркальной поверхности. Бабушка охнула и бросилась на помощь. Но Вера увернулась и побежала к балконной двери. Дверь была распахнута – на улице жара, а жили они на восьмом этаже... Старушка понимала: не догонит, Вера прыгнет...

Как ей удалось настигнуть внучку, она сама не знала. Но все же смогла. Сграбастала, рванула на себя, когда девочка уже за перила схватилась, и отволокла в комнату. На счастье, в это время с работы вернулся Верин папа. Он помог теще утихомирить ребенка и вызвал «Скорую».

Веру увезли, госпитализировали. Пока она лежала в больнице, родители и бабушка искали психолога. Специалиста, который помог бы справиться с проблемами. Те, кто наблюдал Веру до этого, судя по последней реакции ребенка на стресс, оказались бессильны!

...Вера родилась в благополучной семье в положенный срок. Родители ждали девочку (УЗИ показало пол ребенка) и очень были этому рады. Им хотелось именно доченьку. Веру. Знали, что она будет крепенькой и, скорее всего, темноволосой – в роду обоих родителей были только брюнеты. Так и вышло. Вот только никто и думать не мог, что ребенок родится с физическими отклонениями. Мама с папой молодые, здоровые, с хорошей наследственностью. Их ближайшие родственники без явных патологий. Зачат был ребенок по трезвости. Беременность проходила ровно, спокойно, без каких-либо инцидентов. Поэтому проверять плод на «генетику» не стали. Мамочке два раза сделали УЗИ, и ни одно не показало отклонений. Голова была признана несколько крупноватой, но такое наблюдается сплошь и рядом. Например, мама Веры родилась, как выражалась бабушка, очень башкастой. И до полутора лет оставалась такой. Ей даже кличку дали – Головастик. Все решили, что Вера пойдет в нее...

Ошиблись!

Когда роженица увидела свое чадо, то потеряла сознание. Так оно было безобразно! Неровный череп с шишкой на левой стороне, под шишкой полузакрытый глаз, нос набок, вместо правой скулы вмятина.

– Квазимодо, – выдохнула Верина мама, перед тем как отключиться.

И врачи вынуждены были с нею согласиться. Примерно таким описывался один из главных героев романа Гюго «Собор Парижской Богоматери». Только у книжного Квазимодо еще горб имелся, а Верочка телом уродилась нормальной.

– Она нормальная? – первое, что спросила у врачей молодая мама, когда поняла, что Вера совершенно точно похожа на Квазимодо – сначала она тешила себя надеждой, что это сон или галлюцинация.

Те пожимали плечами. Никто не мог дать точного ответа. Ребенка нужно было наблюдать хотя бы несколько месяцев, чтобы спрогнозировать его развитие. Роженице сразу предложили отдать девочку в дом инвалидов. Но она, ни секунды не колеблясь, отказалась. Муж ее в этом поддержал. А вот мать...

Вера не знала, что бабушка, проводившая с ней больше всего времени, уговаривала дочь избавиться от ребенка. С таким намучаешься! И это ладно, если он просто уродлив, полбеда, а вдруг еще и умственно отсталый... Да, скорее всего, так и есть! Опухоли на голове не могут не сказаться на содержимом этой самой головы, не повлиять на состояние мозга.

Но бабушка ошиблась в своих мрачных прогнозах. Девочка оказалась нормальной. Более того, очень развитой, сообразительной. Могла бы пойти в школу в шесть лет, поскольку умела читать и считать уже в пять с половиной. Вот только не могли родители Веру туда отправить. Ни в шесть, ни в семь, ни даже в восемь. Девочка занималась дома.

Преподавательницу Веры звали Елена Геннадьевна. Хотя уместнее было бы к ней обращаться – Леночка. Молоденькая, хрупкая, со светлыми волосами, заплетенными в косу, она производила несерьезное впечатление. Учительница? С высшим образованием? Да не смешите! Она даже на десятиклассницу не похожа. Сущий ребенок. Причем робкий. Один тихий голосок чего стоит! Да и кроткий взгляд о многом говорит...

Так думали родители Веры, познакомившись с Леночкой. Да только ошибались. Преподавательница оказалась боевой, волевой и очень опытной. Еще будучи студенткой второго курса, она начала заниматься с проблемными детьми. А получив диплом преподавателя начальных классов, не покончила с учебой, а стала получать второе, уже психологическое, образование. Да и лет ей было не так мало, как казалось на первый взгляд: двадцать пять.

А вот Веруше учительница сразу понравилась. Красивая, нежная... А голосок будто ручеек. Сама Вера была басовитой. Толстой и уродливой! А Леночка хрупкая, прекрасная, как принцесса. Вере хотелось быть такой же...

В отличие от большинства подобных себе Вера не завидовала красивым людям, она ими восхищалась!

Как-то, на третьем или пятом занятии, Елена Геннадьевна спросила:

– Какая твоя любимая сказка?

– «Аленький цветочек», – ответила Вера.

– Почему именно она?

– Не знаю... Нравится.

Учительница больше не стала допытываться, они занялись уроками. Но задала «на дом» написать сочинение на тему «Почему я люблю сказку „Аленький цветочек“». Вера что-то там сочинила. Леночке не понравилось. За грамотность она поставила пять, а за содержание три, сказала: «Тема не раскрыта».

К сказке они вернулись спустя некоторое время. Елена Геннадьевна поинтересовалась, на кого из сказочных персонажей Вера считает себя похожей. Та ответила честно – на чудище лесное.

– Поэтому ты любишь «Аленький цветочек»?

Вера пожала плечами. Ей не хотелось признаваться в том, что она считает себя заколдованной. И ждет, когда появится тот, кто полюбит ее за добрую душу, чтобы чары рассеялись. Но Леночка, казалось, читала ее мысли:

– Тебя обязательно кто-то полюбит за добрую душу, – мягко проговорила она. – Но так как ты не заколдована, то внешне не изменишься. Ты это понимаешь?

– А вдруг?

– Чудес не бывает, Верочка. Увы. Поэтому я посоветовала бы тебе почитать «Гадкого утенка».

– Я читала!

– И что скажешь?

– Я не превращусь в белого лебедя, – пожала плечами Вера. – Это так же нереально, как чудовищу стать принцем.

– Почему же нереально? В наше-то время.

– Не понимаю...

– Конечно, как в случае с утенком, это не произойдет. Но ты все равно можешь превратиться в лебедя.

– Как? – Вера распахнула глаза. Один стал огромным, второй лишь чуть приоткрылся.

– Ты слышала о пластических операциях?

– Конечно, – сразу сникла девочка. – Мама с папой меня возили к специалистам. Все говорили, что таким, как я, не поможешь.

– Медицина не стоит на месте, Верочка. Еще десять лет назад никто не думал, что человеческое сердце можно заменить искусственным, а сейчас подобные операции проводят повсеместно. Не отчаивайся, Веруша. А главное, не озлобляйся. Пусть твое сердце остается добрым, как у того чудища, потому что любят прежде всего за него...

Тот разговор сильно повлиял на Веру. Она очень изменилась, стала более радостной, не такой закрытой... и очень усердной. Если сначала девочка училась без особого желания, через силу, то теперь начала заниматься старательно и с удовольствием. Не просто выполняла все задания, требовала дополнительных. Все операции стоят больших денег, а пластические тем более. Родители Веры небогаты, и это значит, что она сама должна будет много зарабатывать. Чтобы иметь хороший доход, надо учиться. А ей особенно, потому что красота и талант, две главные вещи, приносящие деньги женщине, Вере не достались. Хорошо хоть мозгами Господь не обделил! И на том спасибо...

Вера получила аттестат вместе со сверстниками. Причем последние четыре года училась в обычной школе. Сама настояла – домашнее обучение не давало той полноты знаний, к которой она стремилась. После школы – институт. Вера поступила на заочное отделение финансовой академии. Прошла по баллам на бюджетное, но ее и еще троих подвинули «блатные». В итоге в вузе остались двое – мальчик, родители которого смогли потянуть платное обучение, и Вера. Она добилась зачисления, воспользовавшись льготами инвалида. Переборола сначала робость, потом стыд и пошла обивать пороги.

В восемнадцать Вере сделали первую пластическую операцию. Она была плановой, поэтому бесплатной. Девушке поставили имплантат скулы. В двадцать она сделала ринопластику. Через полгода подтянула веко. Кардинально эти операции облик Веры не изменили. Шишка на лбу продолжала ее уродовать, и асимметрия лица хоть и стала не такой явной, осталась. И все же девушка радовалась даже таким незначительным изменениям. Тем более, прикрыв глаза солнцезащитными очками и натянув на голову объемную шапку, она могла слиться с толпой. В нее никто не тыкал пальцем, не называл чудищем.

Только Вере было этого мало. Она мечтала о полном преображении. Но никто из российских специалистов не брался оперировать ее череп. Ни за какие деньги! Вера не сдава-

лась, отправляла электронные письма заграничным эскулапам. Записывалась на консультации. Благо с появлением скайпа все упростилось, и первичный осмотр можно было провести, не отходя от компьютера. Иначе Вера истратила бы кучу денег на перелеты в разные страны, чтобы получить отрицательный ответ. Все врачи, с которыми она вступала в контакт, отказывали ей. Все, кроме одного. Этот доктор имел клинику в Израиле, славился своим новаторством, и Верин случай показался ему интересным. Он ничего не обещал, но желал провести обследование и по его результатам вынести вердикт. Окрыленная Вера полетела в Тель-Авив, мечтая о том, как вернется с Обетованной земли белым лебедем. Но, увы...

Доктор, проведя тщательный осмотр потенциальной пациентки, развел руками. Он ничего не мог сделать. Риск повредить мозг был очень велик. Вере посоветовали либо смириться со своим недостатком, либо ждать, когда медицина сделает еще несколько шагов вперед. Но Вера была не из тех, кто готов смириться.

Значит, снова ждать? Да сколько же можно?

Прошло еще полтора года. Вера продолжала искать врача, который возьмется ее оперировать. Добралась даже до заокеанских. Консультировалась со многими. Даже со светилами науки. Готова была потратить все, что имела, и влезть в долги, лишь бы лечь под нож. Но все специалисты дорожили своей репутацией, не хотели идти на риск. Смерть пациента или его инвалидность – все равно что черная метка.

И вот однажды, когда Вера уже отчаялась... Ей пришло письмо от молодого врача с Филиппин. Он работал какое-то время ассистентом у одного из американских профессоров, к которому Вера обращалась, и был знаком с ее проблемой. По мнению доктора, случай был не безнадежен. Он готов был прооперировать Веру в своей клинике, которую открыл у себя на родине.

Вера понимала, какому риску себя подвергает, и все равно отправилась на Филиппины. Подписав кучу бумаг, освобождающих хирурга от ответственности в случае летального исхода, Вера легла под нож.

Риск оправдался – операция прошла успешно!

Если не считать одной мелочи – швы загноили. Когда медсестра обрабатывала ее бритый череп, Вера смеялась сквозь слезы. Филиппинский паренек (хирургу было двадцать семь, но выглядел он на девятнадцать) справился с тем, за что не взялся ни один именитый доктор, провел сложнейшую операцию по коррекции черепной коробки, но умудрился занести инфекцию в кожный покров, когда латал его.

Когда швы зажили, она снова обратилась к пластическому хирургу, уже российскому, и убрала рубцы при помощи лазера. Это была последняя операция. Оставалось только отрастить волосы, сделать красивую стрижку, подобрать макияж и...

Сменить имя. Вера хотела родиться заново.

Так она стала Виолой.

* * *

Виола сидела перед зеркалом и плавными движениями втирала в кожу крем. Делала она это дважды в день. Утром и вечером. Она могла не поесть, не поспать, не пробежать свои пять километров на дорожке, не выпить кофе, без которого ее давление опускалось до такой степени, что кружилась голова, но не нанести на лицо крем она себе не позволяла.

У Виолы была сияющая кожа. Ее как будто наполняло солнце. Чистая, гладкая, в меру смуглая, она была прекрасна. Кожа – единственное, чем Виола могла гордиться. Понимание этого пришло к ней лет в тринадцать, когда у сверстников, вступивших в переходный возраст, начались кожные проблемы: прыщи, сальность, покраснения, раздражения. А у Виолы кожа как была безупречной, так и осталась. Ее тетка, мамина сестра, сын которой вдруг «рас-

цвел» и стал похож на пупырчатую жабу, отметила это первой. Она работала косметологом в очень приличном салоне и поставляла своему чаду лучшие средства по уходу за проблемной кожей, но тот продолжал «цвести». Красивый мальчик, самый популярный в классе, пламенел прыщами, делая плохую рекламу не только себе, но и маме-косметологу. «Тебе несказанно повезло, девочка, – сказала она как-то Виоле, погладив ее по бархатистой щечке. – У тебя такая кожа, будто ты за щеками держишь по солнечному шарiku... Береги ее! Когда станешь взрослой, мажь лицо утром и вечером. Увлажняй, чтоб солнце не иссушило кожу, превратив в пустыню...»

Виола не стала ждать взросления. Начала пользоваться кремами в четырнадцать. Потому что сохранять в красоте больше было нечего. Только кожу. Над остальным пришлось работать и работать. Даже над волосами, которые были неплохие. Темные, густые, с рыжей искрой, они заплетались в тяжелую косу, но были тусклыми и склонными к ломкости. Мама наносила на них простоквашу перед мытьем. Виола, пока была ребенком, мирилась с этим, хотя терпеть не могла запах кислого молока. Но когда повзрослела, стала покупать дорогие профессиональные средства для волос. Они, возможно, давали тот же эффект, что и простокваша, но источали дивный аромат и наносились приятнее.

Совершив привычный ритуал, Виола убрала баночку с кремом в ящик и помыла руки. Их следовало мазать другим средством. Перепробовав многие, Виола остановилась на дешевом отечественном продукте на основе козьего молока. После него ручки становились бархатными. Когда кожа напиталась, Виола стала расчесывать волосы. С недавних пор она носила стрижку «каре». Естественно, с челкой. Очень густой и длинной. Без нее Виола не представляла своей жизни последние пять лет. С тех пор, как сделала операцию, последствием которой стал шрам на лбу. Он начинался над бровью и заканчивался под волосами. Даже после лазерной шлифовки он остался заметен. Виола приподняла челку и взглянула на лоб...

Страшно!

Но не так, как было до операции.

Виола вернула волосы на место, обрызгала их лаком и покинула ванную комнату. Теперь кофе и круассан с маслом и мандариновым джемом. А пять километров она пробежит днем – сегодня у нее не так много дел, и домой Виола вернется в час, максимум в два. Она брала как-то абонемент в спортзал. Думала бегать там. Но после нескольких посещений поняла, что не может заниматься спортом на людях. Стесняется. И приобрела дорожку, самую крутую, профессиональную. Да еще прикупила пару тренажеров для рук и пресса.

Виоле с комплекцией повезло не так сильно, как с кожей. Но и сказать, что угораздило, тоже нельзя. Кость широкая, склонность к полноте, но пропорции правильные. Поэтому, когда Виола поправлялась, то не превращалась во что-то бесформенное, похожее на палку докторской, как и в грушу или боровика, мощного сверху, но относительно стройного снизу. Толстая Виола своим станом напоминала контрабас. Вот только этот музыкальный инструмент ей никогда не казался прекрасным. Тогда как гитара... Когда Виола была в форме, то телом была похожа на нее.

Виола сварила себе кофе, подогрела круассан в микроволновке, положила в блюдо джем и села завтракать. Пировала она только по утрам. Углеводы, углеводы, углеводы. На обед одни белки: мясо, рыба, яйца. От ужина же Виола вообще обычно отказывалась. А вот в чем не могла себе отказать, так это в фужере белого полусухого вина. Красное ей тоже нравилось, но от него разыгрывался аппетит. Почему, она не знала. Возможно, все дело было в ассоциациях. Ее родители любили выезды на природу, в лес, луга, на речной берег, и всегда, независимо от сезона, жарили на свежем воздухе шашлыки. И запивали их красным вином. Даже детям наливали по граммულке. Виола помнила, как прихлебывала каберне, поедая пахнущее костром мясо. Это было фантастически вкусно! Даже если на углях готовилась не баранина и

свинина, а курятина, причем американская. «Бушевские» окорочка были очень популярны в тот период, когда Виола росла.

Позавтракав, она убрала посуду в раковину, чтобы помыть вечером. Надо же чем-то заниматься в это время суток. А сейчас есть другие дела. Их не так много, как обычно, и все же: подкраситься, выбрать наряд, собрать сумку, и все это за пятнадцать минут.

Виола начала с макияжа. Красилась она не всегда, но обязательно наносила тональный крем и тушь на ресницы. Однако сегодня ей требовалась полная «боевая раскраска». Предстояла важная встреча, выглядеть нужно было на все сто.

У нее были красивые серо-зеленые глаза. Если Виола просто покрывала тушью ресницы, глаза выглядели выразительно. Но когда на верхнее веко наносились подводка и тени, обычно дымчатые, иногда изумрудные, то глаза становились просто колдовскими. А губы, покрытые яркой помадой, манящими. Виола знала женщин, которых макияж не сильно менял, но она к ним не относилась. Накрашенная, она превращалась в сногшибательную красотку. Сегодня был тот день, когда это требовалось.

Закончив с макияжем, Виола оделась. Долго наряд не выбирала, время поджимало. Остановилась на юбке-карандаше и шифоновой блузе с бантом на шее. Стиль ретро женственен и всегда актуален. Беспроигрышный вариант для любых встреч, для деловых в том числе.

На ноги туфли на высоком каблуке. Под мышку замшевую сумку им в тон. И финальный штрих – капля духов, которых у Виолы большая коллекция. Она обожала изысканные ароматы. Особенно свежие. Но для сегодняшнего выхода она выбрала классический – «Шанель № 5».

Все, она готова.

Последний взгляд в зеркало. Придирчивый. И немного испуганный. Что, если в нем отразится чудовище? Но нет...

Красавица.

Виола улыбнулась красавице в зеркале и покинула квартиру.

Глава 2

Матвей с недоумением смотрел на мать. Та только что сообщила ему, что выходит замуж.

– Я ослышался, да? – спросил он.

– Я выхожу замуж, – повторила она.

– За кого?

– За Федора.

– Шутишь?

Мать закатила глаза и развернулась, чтобы уйти, но Матвей остановил ее, схватив за руку:

– То есть ты серьезно?

– Да! – рявкнула мать.

– Ты, конечно, всегда была эксцентричной, но... но не настолько же! Федор – мой ровесник.

– Старше на пять лет.

– Да, это существенно меняет дело, – с издевкой протянул Матвей. – Но то, что он безработный, тебя не смущает?

– Он работает, – возмутилась мать.

– Где? – с интересом спросил сын.

– Дома. А спросить надо было – над чем?

– А... Понял. Речь идет о гениальном литературном труде, который был начат в прошлом году? И как, дело близится к развязке?

– Не язви. Ты не понимаешь, как тяжело дается творчество.

– Да где уж мне? Ведь я не работаю в издательстве и не встречаюсь с авторами.

– Все они ремесленники!

– Штамповщики еще скажи. Ведь это любимое слово твоего драгоценного Феди. Именно так он характеризует современных писателей.

– А что, он не прав?

Матвей мысленно застонал. В том, что его мать связалась с неудачником, была часть его вины. Именно он их познакомил.

Федор обивал пороги издательства давно. Все пытался продвинуть свои произведения. Вот только они хоть и были неплохо написаны, но, как правило, оказывались либо слишком маленькими по объему, либо откровенно недоработанными, либо просто незаконченными. Редакторы, что знакомились с ними, советовали Федору довести их до ума, но тот как будто не слышал и в следующий раз являлся с новым, таким же «сырым», а зачастую «кастрированным» произведением.

Матвей в издательстве занимал должность пиар-менеджера. От литературы был на расстоянии. Читал только тех авторов, с которыми работал. Но с Фединамими трудами ознакомился. Не со всеми, конечно, а с некоторыми. Дело в том, что тот сунул ему папку, когда Матвей выходил из здания издательства вместе с одним из редакторов, девушкой Катей, с которой тогда встречался. Федор знал в лицо всех окололитературных людей и кинулся к ней. Но Катя умело ушла от преследования. А вот Матвей растерялся и не заметил, как в его руках оказались рукописи. Он кинул их на заднее сиденье и забыл. Но как-то в огромной пробке, когда нечем было заняться, потому что гаджет сел, а зарядник сломался, Матвей взялся за труды Федора.

В литературе он разбирался, хотя и не был тонким ценителем. Что слог? Что композиция? Главное, выдать доброкачественный продукт. Он интересен, а значит, продаваем. Матвей, знакомый с творчеством Кафки, поражался тому, что этот автор востребован. Две более-менее приличные повести и куча хлама. Вот она – сила грамотного пиара! Именно реклама сделала Кафку КАФКОЙ! Конечно же, с ним многие не соглашались. Но Матвей оставался при

своем мнении. Того же Гоголя он тоже не любил. И Достоевского. Из зарубежных классиков – Моэма и Фейхтвангера. Но их творчество он принимал. Уважал этих авторов. Трудяги! А Кафка... Обычный графоман. И Федя такой же!

Сделав эти выводы, Матвей выкинул рукописи и хотел забыть об авторе, да вот только тот постоянно о себе напоминал. Создавалось ощущение, что он ночует под дверями издательства. В принципе это было не так далеко от истины. Квартира, в которой проживал Федор вместе с родителями, бабушкой и сестрой, находилась в том же доме. И вот как-то к Матвею приехала мама. Он вышел, чтобы передать ей то, за чем она явилась (паспорт – они переоформляли квартиру, в которой Матвей был прописан), и тут Федор! Увидел знакомого, кинулся к нему по своей привычке. Матвей его отогнал. А вот мама, как оказалось, нет...

О том, что она вступила с непризнанным гением в отношения, Матвей узнал спустя два месяца. Когда без предупреждения появился к матери. Открыл дверь своим ключом, зашел... И увидел Федора. Он сидел в кухне в одних семейных трусах и ел борщ. Сказать, что Матвей удивился, было бы неправильно. Он обалдел! Мать раньше не тащила в дом всяких сомнительных личностей. Но, скорее всего, потому, что с ней проживал сын. А три года назад Матвей съехал на съемную квартиру, и мать, по всей видимости, почувствовав свободу, решила устроить личную жизнь. Под личной Матвей подразумевал сексуальную. Матушка была еще довольна молодой женщиной, а отец скончался очень давно. Конечно же, она имела потребности. Для их удовлетворения Федор годился: молодой, вполне привлекательный и, судя по тому, что обтягивал ситец трусов, природой щедро одаренный. Опять же творческие мужчины всегда привлекали эксцентричных дам...

Но замуж за такого?

Это даже для матушки слишком!

– Зачем он тебе? – спросил Матвей, уняв раздражение.

– Я люблю его. Как и он меня. Когда между людьми вспыхивают чувства, они женятся.

– Лет в двадцать, возможно. Но в твоем возрасте головой надо думать. На что вы жить будете? На твою грошовую зарплату? Федя, судя по его комплекции, не дурак покушать.

– Если ты беспокоишься о том, что я буду кланчить деньги у тебя...

– А что, нет? – хмыкнул Матвей. Матушка постоянно жаловалась на трудное материальное положение, и он помогал ей, хотя аренда квартиры сжирала половину ежемесячного дохода, и он сам не барствовал. Но как откажешь матери? Тем более она не наглела. Разве что в последний месяц. Сколько ни дай, все мало. Теперь Матвей понял почему...

– Мы не попросим у тебя ни копейки! – ледяным тоном проговорила мать.

– Это хорошо, потому что я собрался взять кредит на машину. Моя сыпется уже, но я езжу. А что делать? У меня мама в трудном материальном положении. Но теперь у нее будет молодой муж, и он позаботится о ней не хуже меня. Так ведь?

Что ей оставалось? Только кивнуть.

Матвей любил мать, особенно в детстве, но не понимал ее. Не понимал до такой степени, что она часто его раздражала. В женской логике Матвей немного разбирался, поскольку и учился, и работал в коллективах, где преобладали представительницы слабого пола. Да и лучшим его другом, как это ни странно, оказалась девушка. Вот только все они, и сокурсницы, и коллеги, и тем более «сеструха» (а он для подруги был «братухой»), оказывались ему понятны, а мать нет. Ее поступки не поддавались никакой логике, пусть и специфической. Человек-противоречие. Трижды она отказывала мужчинам, которые, на ее взгляд, были неудачниками. Дважды «малолеткам» – один был младше ее на двенадцать лет, второй на восемь. И вот она выходит замуж за малолетнего неудачника! Как так?

Злой и взъерошенный Матвей уселся в машину. У него были непослушные волосы. Чтобы уложить пристойную прическу, приходилось прилагать много усилий. Но если Матвей нервничал, то начинал волосы теребить, и вот результат! Когда он глянул в салонное зеркало,

то увидел... домовенка Кузю. Именно на этого мультяшного персонажа он походил, когда рас-трепывал прическу.

Пригладившись кое-как, Матвей завел мотор. Работал тот не очень хорошо, покашливал, но машина пока ездил. Зазвонил телефон. Сеструха!

– Слушаю, – буркнул Матвей в трубку. Он все никак не мог успокоиться.

– А чего мы такие сердитые?

– Ты не поверишь!

– Я постараюсь.

– Маман замуж собралась.

– Неужели за того писаку?

– Как ты догадалась?

– Я знаю твою мать.

– Я нет, а ты знаешь?..

– Конечно. Она же женщина. Ты никогда нас не поймешь.

– Сама говорила, что я в вас разбираюсь. И понимаю вашу логику...

– Да. Лучше, чем все мужчины, которых я знаю. Но недостаточно. Когда ты сказал, что застукал этого непризнанного гения на кухне в одних трусах, я сразу подумала: все серьезно.

– Да почему?! – вскричал Матвей. – У нее всегда была куча поклонников, и она отвергала всех. Хотя каждый из этих бедолаг был лучше Федора.

– Устала отвергать. Решила, пора сказать «да». Федор оказался в нужном месте в нужное время. Опять же не стоит сбрасывать со счетов то, что он умеет присесть на уши, все же литератор, и, скорее всего, в силу возраста неплохо твою маму... Э...

– Я понял, – поспешил прервать ее Матвей. – Но что мне делать? Посоветуй.

– А что ты можешь? Только следить, чтоб писака не обобрал ее. Потому что влиять на твою мать невозможно.

– Брать у нее, к счастью, нечего. А квартира на меня оформлена.

– Матвей, она может взять кредит на какую-то крупную вещь. Купить ее. А потом этот проходимец потребует доли.

– Половину телевизора?

– Сейчас разные займы! И на покупку машины, участка, малого бизнеса, в конце концов.

Ты как будто не знаешь!

– Да не надо ему ничего этого. Только литературной славы.

– Вот!

– Что – вот?

– Ведь можно книгу издать за свой счет? Сколько денег на это нужно?

– Не подумал, – устыдился Матвей.

– Поэтому я говорю тебе, следи. Будь в курсе. Пока тебе рано волноваться. Во-первых, твоя маман может и передумать. А во-вторых, Федор вряд ли закончит свой «шедевр», а фарш (кажется, так ты называешь недоработанное произведение?) печатать и за деньги не возьмется никто. Так что... узбогойся!

– Фу, что за сленг, сеструха? Еще себя позиционируешь как интеллигентную женщину.

– Кто? Я? Ты меня с кем-то путаешь, братуха.

Настроение Матвея улучшилось. Подруга действовала на него волшебным образом. Даже простой телефонный разговор с ней настраивал на позитивный лад.

– Может, пообедаем вместе? – спросил он.

– Давай. Я как раз собираюсь.

– Где засядем?

– Ой, только не в этих твоих сушечных...

– Да помню я, что ты не любишь японскую и китайскую кухни. При этом избегаешь русской, украинской и итальянской, потому что они калорийные. Восточная для тебя слишком острая. Французская неоправданно дорогая. Может, в «Мак»? Ты выпьешь капучино без сахара, а я слопаю чизбургер с картохой под молочный коктейль?

– Нет уж, мерси. Я хочу фужер сухого вина и отбивную из телятинки. А на десерт творожный мусс с грейпфрутовым конфитюром.

– Ага, понял, едем в «Невесомость».

Это новомодное заведение, открытое для людей, ведущих здоровый образ жизни (а скорее делающих вид), Матвей не любил. Блюда, что там подавались, были, на его взгляд, не особо вкусными, порции маленькими. Он не наедался.

– Когда сможешь подъехать? – деловито спросила сеструха.

– Через четверть часа, максимум двадцать минут, я неподалеку.

– Отлично, я примерно через столько же прибуду. До встречи.

Он бросил «пока» и отсоединился. Сеструха как будто знала, когда нужна ему. Пусть для обычного разговора. Сам Матвей не любил навязываться. Нет, он, конечно, и сам мог ей позвонить, и с удовольствием приглашал подругу куда-нибудь, но только если был в хорошем настроении. В плохом же, как говорила мама, всегда забивался под камешек. А все потому, что по гороскопу Матвей рак.

К ресторану он подъехал через двадцать минут, как и обещал. Зашел. Сеструха уже ждала его за столиком. Увидев Матвея, помахала рукой. Он ответил кивком.

Они познакомились шесть лет назад. Матвей купил новые коньки и хотел их обкатать, но ребята, с которыми он когда-то играл в хоккей, были на сборах, а одному идти не хотелось. И он пригласил старого школьного друга Вадика. Тот пришел не один, а со своей девушкой. Верой.

Когда Матвей увидел ее впервые, еле сдержал удивление. Уж очень хорошенькой оказалась девушка. Фигурка ладная, из-под шапки выбиваются чудесные темные локоны, носик точеный, улыбка...

Вот только глаза прикрыты зеркальными очками, и ни формы, ни цвета не разглядишь – лишь свое отражение. На фоне Веры Вадик смотрелся заморышем.

В классе он был самым невзрачным мальчиком. Маленьким, до прозрачности худым, лопухим до такой степени, что голова напоминала греческую амфору, где вместо ручек уши. С возрастом Вадик не стал ни выше, ни крепче, ни краше. Из-за чего комплексовал страшно. Девушек как огня боялся. А вот в мужской компании не тушевался. Был общительным, веселым, довольно дерзким. А еще бескорыстным, ответственным, преданным. Матвей обожал друга, но сильно сомневался в том, что тот когда-то вступит в отношения...

И вот он приходит на каток с девушкой. Да какой!

Матвей, пока Вера не видела, показал другу оттопыренный большой палец. Типа одобряю, брат, твой выбор.

Вадик смущенно улыбнулся.

Они чудесно провели время тогда. Накатались, насмеялись и решили после катка посидеть где-нибудь и выпить горячего шоколада. Приятное место, где это можно сделать, нашли быстро. Семейный ресторанчик с доступными ценами и уютной обстановкой оказался совсем неподалеку. Они зашли, заняли столик, сделали заказ.

Вера все это время оставалась в шапке и очках. И если головной убор можно было как-то объяснить, например, тем, что волосы под ним вспотели и легли кое-как, то очки...

Уж не фингал ли у нее под глазом, подумал было Матвей.

– Верунь, сняла бы ты свои противотуманки, – обратился к девушке Вадик. – А то Матвей подумает, что я тебя бью и ты синяки прячешь.

– Я так и подумал, – улыбнулся Матвей.

Вера их веселья не разделила. Стала очень серьезной и немного нахмурилась. Будто обидели ее.

– Перестань стесняться, – мягко проговорил Вадик.

Вера немного поколебалась, но затем решительно сорвала очки...

Точно одежду с себя скинула и голой предстала перед ними!

Когда Матвей увидел ее без очков, понял, почему девушка стеснялась – один глаз был явно больше другого. Но в принципе Веру это не особо портило. Матвей ободряюще улыбнулся ей. Девушка ответила, но робко.

Вадик вытащил телефон. До этого он уже сфотографировал Матвея со своей девушкой, хотел сделать еще кадр, но Вера наотрез отказалась позировать. Закрыла лицо салфеткой и сердито заявила, что, если он не выключит камеру, она встанет и уйдет. Вадика ничего не осталось, как подчиниться.

Они выпили по кружке горячего шоколада, съели по штруделю. Вадик насытился, Вера объелась, а Матвей возжелал еще что-нибудь слопать. Они склонились над меню, выбирая, что заказать, когда к ним подбежал малыш лет трех. Он с мамой и старшей сестрой занимал соседний столик. Мальчишка схватился за помпон Вериной шапки, яркий, крупный, похожий на мячик, и дернул. Шапка слетела с головы девушки...

И все увидели шишку на ее черепе!

Малыш тут же начал рыдать. Мать бросилась к нему, чтобы успокоить. Но тот захлебывался ревом. Он испугался.

Вера, подняв с пола брошенную ребенком шапку, натянула ее на голову и, ни на кого не глядя, побежала к выходу. Вадик за ней. Матвей хотел последовать за ними, да вспомнил, что они еще не расплатились. В итоге на улице оказался только минуты через три. Но Вадика с подругой он смог нагнать.

– Ты чего реवेशь? – обратился он к Вере, по лицу которой текли слезы. Вадик пытался их утирать, но она отмахивалась.

– Я чудовище, пугающее детей.

– Добро пожаловать в мой мир.

Она посмотрела на Матвея с недоумением.

– Да меня каждый второй ребенок боится, – хмыкнул он. – Ты посмотри на меня. Я ж вылитый великан-людоед! Огrrrrr...

– Что за глупости?

Матвей остановился, чуть согнул спину, сжал кулаки, насупил брови и зарычал. В общем, проделал все то, что герой мультфильма Шрек, когда желал кого-то напугать.

Вера рассмеялась. Слезы ее сразу высохли.

– Вот так лучше! – Он обнял Веру и Вадика за шеи и повел их к стоянке. Всем им нужно было по домам.

С того дня они стали видаться довольно часто. Ходили куда-нибудь вдвоем или вчетвером, если Матвей брал с собой кого-то из подружек.

Как-то Вадик позвонил ему и попросил срочно приехать.

– Дело крайней важности, – сказал он. – Это касается Веры.

И больше никаких комментариев.

Когда Матвей приехал к другу, то застал у него Веру. Вид у девушки был сердитый и... упрямый. Она приняла какое-то твердое решение, по-видимому, Вадик с ней не соглашался, и это ее злило.

– Что у вас стряслось? – спросил Матвей.

– Она собирается подвергнуть себя опасной для жизни операции, – выпалил Вадик. – Лечь под нож какого-то азиатского коновала.

– Он отличный специалист и прошел практику в одной из самых престижных клиник Америки.

– В которой тебе отказали в операции! – Вадик схватил Матвея за руку: – Скажи ей... Отговори! Может, она тебя послушает?

– Даже не пытайся, – ответила Вера.

– Но Вадик прав. Рисковать жизнью ради красоты глупо.

– Нормальности – не красоты. Это разные вещи.

– Но я люблю тебя и такой, как ты считаешь, ненормальной! – вопил Вадик. – Для меня ты самая прекрасная женщина на свете.

– Мне этого мало, – отрезала она, затем встала и ушла. Проводить себя никому из мужчин не позволила.

Через неделю Вадик примчался к Матвею в слезах. Тот впервые видел плачущего друга. Перепугался. Решил, что кто-то умер.

– Она бросила меня, – выпалил Вадик и швырнул на стол бархатную коробочку.

– Что это?

– Кольцо. Я сделал Вере предложение. Решил, что если она поймет, как серьезно я к ней отношусь, то передумает ложиться под нож... Но она... – Вадик всхлипнул. Его длинный нос покраснел и распух. Матвей протянул ему платок. Но Вадик отмахнулся и утерся рукавом. – Она не просто отказалась выйти за меня замуж. Она порвала со мной.

– Ты слишком давишь, вот она и...

– Нет, она просто меня не любит. Так и сказала. И я ей поверил. Глаза не врут. Я и раньше сомневался в ее чувствах. Она так на меня смотрела... Со скукой, что ли? Знаешь, вот когда смотришь кино, которое тебе не особо интересно, но больше делать нечего, вот и таращишься в экран... Она так же на меня смотрела, как в тот экран. Без интереса. А сегодня, когда я перед ней на колени встал, так даже с какой-то тоской на меня глянула. И сказала, что не выйдет, потому что не любит. А раз так, нам нужно расстаться.

– Что намерен делать?

– А что я могу? Посоветуй.

– Из меня советчик в сердечных делах никакой. Мои отношения дольше двух месяцев не длятся.

– Мои продлились восемь месяцев. И видишь, чем закончились?

– Что, если это не конец, а пауза? Подожди, вернется с Филиппин...

– Если вернется.

– Не каркай!

– Ладно, не буду. Надеюсь, операция сорвется. Ведь такое уже случилось. Она летала в Израиль, но ей отказали.

На Филиппины Вера отправилась спустя неделю. Матвей провожал ее.

– Ты не звони мне, – сказала она, когда прощались. – Я сама буду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.